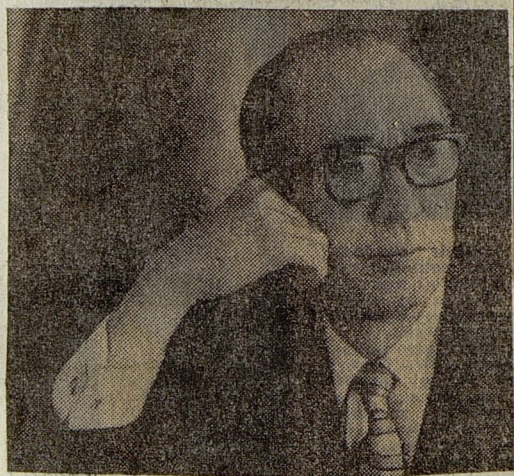

«Русская тема» Акиры Куросавы

14 марта на пресс-конференции в Москве выдающийся японский режиссер Акира Куросава объявил о своем намерении начать работу над цветным широкоформатным фильмом «Дерсу Узала». Постановка картины будет осуществлена на киностудии «Мосфильм». Наш специальный корреспондент Феликс Андреев встретился и беседовал с крупнейшим мастером мирового киноискусства.

МОГУЧИЙ локомотив яростно мчится в неизвестное. Ритмично постукивают колеса на стыках рельсов. Мимо проносятся леса, горы, города и деревни, а современный, сверкающий яркими огнями локомотив все несет вперед и вперед. И людей, пытающихся управлять им, охватывает ужас. Локомотив, словно живое строптивое существо, вышел не желает подчиняться своим создателям, своим вчерашним хозяевам. А они ведут себя по-разному. Рискованная, необычная ситуация заставляет людей особенно остро и обнаженно проявлять свойства своих характеров...

Рассказ о так и не осуществленном замысле фильма «Стремительный локомотив» очень волнует нашего собеседника — большого художника, выдающегося японского режиссера Акиру Куросаву.

Силы, вышедшие из повиновения, уже через пять-шесть лет могут сделать совершенно невозможной жизнь на японских островах, — говорит он. — Уже сейчас крайне быстрыми темпами идет отравление и загрязнение естественной среды: земли, воды, воздушного океана. Люди в противогазах, кислородные колонки в центре Токио, черные безжизненные реки, ядовитые разноцветные дымы, окутывающие густонаселенные «промышленные пояса», — это сегодняшняя Япония.

Куросава на мгновение умолкает. Перелистывает какие-то бумаги. Продолжает свой рассказ.

Вот и три десятилетия назад, когда впервые у меня возник замысел экранизации книги «Дерсу Узала», написанной замечательным русским путешественником, географом и писателем Владимиром Арсеньевым, я не мог предположить, что фильм этот станет столь актуальным в наши дни. Хотя и тогда, когда съемки этой ленты предполагалось осуществить в северных районах Хоккайдо, я мыслил себе ее как гимн гармоничному единению человека с природой. Теперь мы воочию убеждаемся, что разрушение этого единения может обернуться для всего человечества страшной катастрофой. Проблема, казавшаяся кое-кому надуманной, отдающей этаким утопическим руссоизмом, приобретает сегодня первостепенное значение. В этом смысле цветной широкоформатный фильм «Дерсу Узала», постановка которого будет осуществлена мною на киностудии «Мосфильм» по сценарию, написан-

ному советским писателем Ю. Нагибиным совместно с японскими драматургами, должен стать произведением острым, злободневным.

В основу многих фильмов Акиры Куросавы положены произведения японской, русской, мировой литературной классики. Это позволило одному из исследователей его творчества — французскому киноведущему Мишелю Меснилю назвать постановщика одним из самых «литературных» режиссеров современности.

Литературных? — удивленно переспрашивает Куросава. — Если этот термин определяет образованность, начитанность кинематографиста, готов принять его как комплимент. Я учился в институте Киока, потом в академии художеств, но вот художником не стал. Предпочел киноискусство. В нынешней своей работе я стремлюсь сохранить первоначальный аромат книги Арсеньева. Кстати сказать, такое желание воссоздать истинную атмосферу, в которой жил герой этого произведения Дерсу Узала, и заставило меня в прошлом отказаться от мысли снимать натурные сцены на Хоккайдо. Я понял, что это следует делать лишь там, где мог сформироваться подобный недюжинный, цельный характер.

Русская линия творчества Акиры Куросавы... Об этом феномене написано множество статей, исследований, монографий. Фильмы «Идиот», «На дне», одна из последних работ художника «Под стук трамвайных колес», пользовавшаяся большим и заслуженным успехом на VII Международном фестивале в Москве, — несомненные вершины его деятельности в кинематографе. В каждой из этих лент явно ощущается влияние Достоевского, Чехова, Горького на формирование вкусов, пристрастий, взглядов Куросавы.

В русском искусстве, в русской литературе меня более всего привлекают демократические традиции, гениальное проникновение ее корифеев в духовный мир человека, — говорит Акира Куросава. — Эти традиции русской культуры присущи и произведению Арсеньева.

Мы говорим о картине «Злые остаются живыми», очень популярной у советских зрителей.

Разоблачению механизма социальной несправедливости могли бы посвятить свои произведения многие талантливые молодые кинематографисты современной Японии, — считает Акира Куросава. — К примеру, мою глубокую симпатию вызывает творчество Ямады Ёдзи или Коити Сайто. Но оба молодых постановщика вынуждены работать на студиях, принадлежащих гигантским киномонополиям. А дельцов от кино интересует лишь коммерция, лишь прибыль. Естественно, настоящему художнику, который пытается обратиться к серьезным проблемам, приходится чрезвычайно туго. Я могу назвать вам десяток имен самых крупных, серьезных кинематографистов Японии, оказавшихся в очень тяжелом положении из-за того, что они отказываются снимать эротические фильмы или фильмы ужасов. В своем стремлении сохранить принципы прогрессивного, гуманного кино им не приходится рассчитывать на поддержку крупных киномонополий или государства. В лучшем случае они могут надеяться на полное равнодушие. А чаще всего их картины на своем пути к зрителю сталкиваются со многими препятствиями. Приведу в пример себя. Я так и не сумел добиться разрешения властей на показ в одном из токийских кинозалов моего фильма «Под стук трамвайных колес». Четыре крупные киномонополии, одна из них, к счастью, успела обанкротиться, оказывают губительное влияние на современное японское кино. Будь на то моя воля, я с удовольствием разогнал бы этих бессовестных торгашей.

Некоторые из монополий, о которых с такой горечью говорит наш собеседник, специа-

лизируются на выпуске не только эротических и гангстерских киноподелок, но и на производстве милитаристских лент типа «Самого длинного дня Японии», перепевающих «подвиги» японской военщины в годы второй мировой войны. Однако Акира Куросава не склонен думать, что фильмы эти, состряпанные в худших ремесленных традициях, способны оказывать серьезное влияние на рост милитаристских настроений в стране.

Картины эти рассчитаны на ультраправые круги, — полагает Куросава, — на весьма одряхлевших участников тех событий. Опасность подобных лент заключается в другом. Они исподволь способствуют возникновению у молодежи представлений о войне как о некоем веселом цирковом аттракционе, красивом зрелище. По точно таким же рецептам сделан фильм «Тора, тора, тора», к постановке которого меня в свое время пыталась привлечь голливудская компания «XX век-Фокс». Я имел случай убедиться в том, что заокеанские дельцы ничем не отличаются от наших собственных. В моем распоряжении к тому времени находилось немало подлинных исторических материалов, которые позволили бы правдиво отразить в кинематографе суть и смысл трагедии Пирл-Харбора. Но американской компании нужен был именно цирковой аттракцион, участвовать в создании которого я, разумеется, отказался. По тем же причинам не был поставлен в Голливуде и «Стремительный поезд».

Образ видного японского режиссера Акиры Куросавы окружен известной дымкой таинственности. «Великий молчаливый», «Равнодушный гений», «Сфинкс над схваткой» — вот некоторые из заголовков к зарубежным статьям об этом художнике.

На меня действительно наводят чудовищную тоску вопросы людей, имеющих весьма туманное представление об искусстве вообще и о кинематографе в частности, — говорит Куросава. — Однажды подобную «операцию интервьюирования» надо мной и моим коллегой Кэйсукэ Киносита пытались произвести на телевидении. Посыпались вопросы один глупее другого. Мы переглянулись с Кэйсукэ Киносита и, не сговариваясь, разом умолкли. Ведущий передачи пришел в полное замешательство. От растерянности он даже начал произносить что-то на «три голоса», пытаясь говорить за себя и за нас обоих. Ведущий смотрел на нас очень жалобно. Но мы так и не сдались...

Он делится впечатлениями о советских фильмах, о встречах с мастерами нашего киноискусства. Впечатления эти никак не могли бы принадлежать «равнодушному сфинксу».

Я смотрю все советские фильмы, которые демонстрируются в Японии, — рассказывает Акира Куросава. — Там впервые я встретился с «Ивановым детством», «Войной и миром», «Королем Лиром». Встреча с последней лентой меня расстроила. Я сам собирался поставить «Короля Лира» в кино. После Козинцева понял — этого делать не следует. На мой взгляд, это шедевр мирового киноискусства.

Акира Куросава приехал в нашу страну вторично. В первый раз режиссер побывал в Москве почти два года назад как гость VII Международного кинофестиваля.

И всякий раз, — продолжает он, — мне кажется, что я вернулся на родину. Все у вас мне видится близким, родным и привычным. Я не ощущаю необходимости какого-то вживания в вашу жизнь. Быть может, это происходит потому, что я с самых ранних лет воспитывался на произведениях русской литературы, оказавших такое могучее влияние на меня, на мои фильмы.

Мы сердечно прощаемся с Акирой Куросавой, желаем этому большому художнику успехов в работе над кинопроизведением, открывающим новую страницу в его творчестве.

Фото А. Евгеньева.